

Когда вы подолгу всматриваетесь в бездну, бездна, в свою очередь, всматривается в вас.

Фридрих Ницше

— Но ведь я точно знаю. — Она понизила голос и придвинулась почти вплотную. Он откинулся на спинку кресла, чтобы она не дышала ему в лицо. — Я знаю совершенно точно, что меня хотят убить!

И она горделиво выпрямилась, чтобы насладиться эффектом, повела очами и даже закинула ногу на ногу — со второй попытки.

«Ох-хо-хо, — подумал Архипов. — Кажется, я попал».

«Кажется, я влюбился, — сообщал один придурок другому в телевизионной рекламе. — Кажется, наш поезд ушел, — отвечал второй, менее романтический придурок».

«Кажется, мой поезд ушел», — вслед придурку решил Архипов.

— Что же вы молчите? — осведомилась она и сняла шикарно закинутую ногу. — Вы думаете?

— Думаю, — признался Архипов.

Он думал, зачем открыл дверь. Сидел бы в кресле, пил пиво и смотрел телевизор. Джентльменский набор, предел мечтаний любого мужчины.

Нет, черт побери, понесло его дверь открывать!

— Вы что?.. — вдруг встрепенулась она. — Вы... быть может... мне не верите?!

Он посмотрел на нее. Лицо, раскрашенное, как у японской деревянной куклы — щеки белые, брови

насурьмленные, в ниточку, губки алым бантиком, — выражало искреннее и неподдельное изумление.

— Нет, — сказал он поспешно. Еще не хватало, чтобы она сию минуту начала его переубеждать! — Я вам верю! Только кому может прийти в голову вас... — Он вздохнул. — ...убивать?

— Темным силам, конечно, — объяснила она с некоторым удивлением. — Кому же еще?

— Ах да, — спохватился Архипов. — Темным силам!

Он покрутил в руке стакан и предложил с надеждой:

— Хотите пива, Лизавета Григорьевна?

— Пива? — переспросила она, как будто он предложил ей желчь горбатого единорога пополам с кровью африканского ящера. — Нет, благодарю вас. Я не пью пива. Я пью из родников души.

— Пиво из родников души? — не поверил Архипов.

— Да не пиво! — с досадой воскликнула Лизавета. — Энергию! Вы пьете ваше пиво затем, чтобы заряжать, искусственно подстегивать тело и нервы, а мне этого не требуется. Мне хватает энергии из глубин души. Человеческая душа есть средоточие энергии и вселенских истин.

— Да-а, — протянул Архипов — знаток вселенских истин.

Лизавета снова доверительно придвинулась к нему.

— Если бы вы согласились на простой эксперимент, очень коротенький, то сами убедились бы, насколько глубока энергетика вашей души. Ибо для нашей души нет земных границ, и космическая энергия пронзает...

— Нет, спасибо, — испуганно отказался Архипов, — я уж лучше пива.

Он проворно вскочил с кресла и за спиной у Лизаветы потрусил на кухню.

Темно-синий холодильник «Бош» приветливо осветился, когда Архипов открыл его, и выдал ему еще одну бутылку пива. Бутылка была приятно увесистая и холодная. «Бош», как и Архипов, признавал только одну энергию — электрическую.

Потянув, сколько было прилично, Архипов вернулся в комнату. Он смутно надеялся, что за это время Лизавета куда-нибудь исчезнет из его квартиры, но она не исчезла.

— Образ бога есть у каждого человека, — сообщила Лизавета, едва завидев Архипова с пивом, — и у каждого он свой.

— Ну и что?

— И образ этот в земное стремится воплотиться бытие. — Почему-то теперь ее понесло выражаться высокопарно. Белым стихом, можно сказать.

Архипов пожал плечами и налил пива в стакан. До края поднялась снежная плотная вкусная пена.

В его земное бытие сегодня днем воплотился образ партнера, который решил было увести налево выгодный заказ. Архипов попытался вразумить партнера, но так до конца и не понял, вразумил или нет. Если нет, придется продолжить, чего Архипову совсем не хотелось.

— Так что за темные силы хотят вас убить?

— Сущность разрушения.

Архипов поперхнулся пивом и закашлялся.

— А зачем... сущности разрушения убивать вас?

— Затем, что я связываю вместе три плана бытия.

Архипов решил, что ни за что не станет уточнять, что это за три плана.

В детстве у него была книжка, где маленький мальчик предлагал собаке читать. «Нет, — отвечала собака, — я дом стерегу, поноску несу, за уточкой слежу, воров пугаю. Будет с меня и этого».

Сейчас Архипов думал, как эта собака: «Я сижу, делаю лицо, громко не кричу, ногами не топаю, слушаю. Будет с меня и этого. Вдаваться в подробности — ни за что».

Лизавета подождала, надеясь на бурный всплеск интереса с его стороны, но он отпил пива и продолжал учтиво молчать, глядя мимо нее в угол.

— Я мешаю! — наконец с трагическим пафосом выдохнула Лизавета. — Меня нужно уничтожить. Ведь я многим преграждаю путь!..

— Инопланетянам? — проявил осведомленность Архипов. Как раз вчера он заснул под «Секретные материалы».

— При чем тут инопланетяне? — слегка обиделась Лизавета. — Инопланетяне сейчас заняты своими дисками, им не до нас.

— А что такое у них с дисками? Проблемы?

— Да ерунда, — небрежно ответила Лизавета. — Просто завод, который их выпускал, запрограммирован на выпуск разных изделий. Заводы у них многофункциональные, и сейчас компьютер по ошибке перевел их все на производство шлангов. И производство дисков встало.

— Ужасно, — посочувствовал Архипов.

— Еще бы! — согласилась Лизавета. — И все-таки, Владимир Петрович, что мне делать?

— В смысле производства дисков? Или шлангов?

Лизавета посмотрела на него с печалью и укоризненной.

— С моей приближающейся смертью. Я ее не боюсь, но девочка останется совсем одна!

Архипов смутно помнил, что несколько лет назад Лизавета взяла к себе то ли дочь сестры жены двоюродного брата, то ли сестру жены брата троюродного племянника, то ли племянницу тещи шурина, то ли вовсе чужую девчонку. Архипов ее никогда не видел или видел, но не замечал.

— Если не хотите, чтобы девочка осталась одна, вам нужно соблюдать осторожность, — глубокомысленно заметил он. — Не выходить в темное время суток. Может, нервную систему полечить.

— Да разве можно уберечься от сущности разрушения?!

— А что? Нельзя?

Лизавета сокрушенно покачала головой. Архиповская тупость ее ужасала.

Он долил в стакан пиво.

— Так... чем я могу помочь?

— Девочку не оставьте, — просвистела Лизавета и приложила ладони с растопыренными пальцами к щекам. — Если что случится, не оставьте девочку!

— Да ничего не случится! — с досадой сказал Архипов. — Что вы выдумываете, ей-богу, Лизавета Григорьевна! Сколько мы с вами уже беседуем? Минут сорок? И все про сущность разрушения и инопланетные диски!

— А что? — спросила Лизавета и отняла руки от щек.

— Да ничего! Чушь все это!

— Это не чушь, — медленно начала Лизавета, — это истина. Божественная истина.

— Божественная истина в том, что сейчас полдевятого, а у меня еще полно работы.

— Владимир Петрович, вы можете не верить ни в образ бога, ни в сущность разрушения, ни... ни во что, — тут она внезапно горько всхлипнула, как будто Архипов оскорбил ее, но постаралась держать себя в руках. — Я, например, нисколько не верю в ваши элементарные частицы, но я же не говорю вам, что их нет!

Архипов тоже имел об элементарных частицах самое смутное представление, и ему стало стыдно.

Он достал сигареты, но закуривать не стал.

— И все-таки почему вы решили, что вас хотят убить?

— Я чувствую колебания материи, — всхлипывала Лизавета. — В последнее время они стали очень ощутимы. Особенно когда я выхожу из дома.

— И где колебания материи сильнее всего? Вы чувствуете?

Лизавета посмотрела на него. В глазах у нее стояли самые настоящие, чистые и горькие слезы.

«Человек и впрямь может убедить себя в чем угодно», — подумал Архипов.

— Возле Чистых прудов, — призналась Лизавета, — знаете, даже когда я просто стою на балконе и смотрю в сторону Чистых прудов, я чувствую, как начинает вибрировать материя.

— Это потому, что под площадью работает отбойный молоток, — объяснил Архипов глубокомысленно, — там строят подземный гараж. Я вчера ехал с работы в двенадцатом часу и такие колебания материи чувствовал! Думал, выйду из машины, дам по морде этим... колебателям. И не вышел. Наверное, стоило, да?

— Вы все слишком упрощаете, Владимир Петрович. А это, по-вашему, что такое?

И она театральным жестом выхватила из складок своего немислимого одеяния нож. Нож выглядел внушительно, зловеще блестел и был очень похож на хлебный.

— Это? — переспросил Архипов. — Это нож, по моему.

— Это не просто нож! — Лизавета повернула его лезвием к себе. Лезвие было длинным. — Это средоточение сил зла, идеальное орудие убийства! Посмотрите на эти каббалистические символы!

Действительно, на черной ручке были то ли вырезаны, то ли намалеваны какие-то нелепые знаки.

— А... что это за символы? — От греха подальше он взял у нее нож и стал рассматривать. Рукоятка была пластмассовой, лезвие широким, сталь не слишком тонкой. Архипов поискал надпись «Мейд ин Чина», но с первого взгляда не нашел.

— Это символы смерти, крови и убийства, — отчеканила Лизавета.

Архипов провел пальцем по лезвию: не так, чтобы очень острое, — а потом по рукоятке. Символы оказались даже не нацарапаны, а вырезаны.

— Это вы вырезали?

— Да что вы, Владимир Петрович! Что за кошмар вы говорите! Конечно, нет. Этот нож — предвестник убийства.

— Что значит — предвестник?

— Он предвещает смерть, — сказала Лизавета со сладким ужасом. — Он приходит, и следом приводит смерть.

— А как он к вам... пришел?

— Это тайна, не подвластная людям, — заявила Лизавета гордо. — Никто и никогда не видел, как он появляется. Никто и никогда не слышал звуков, свидетельствующих о его появлении. Порой мистические знаки предшествуют ему, как дождь кровавый или затмение небес.

— Он у вас давно?

— Два дня. Я проснулась утром и нашла его под своей кроватью. Я сразу поняла, что следом идет смерть.

— А мистических знаков что-то не было, — проговорил Архипов задумчиво. — Ни дождя кровавого, ни затмения небес третьего дня не наблюдалось. А? Не наблюдалось, Лизавета Григорьевна?

— Знаки могли быть невидимы.

— Ну конечно! — спохватился Архипов. — Невидимы!

Он еще поизучал нож, а потом осторожно положил его на стол. Рукоятка звякнула, и нож закачался из стороны в сторону. В широкой полоске лезвия отражался свет.

— Меня пытались столкнуть с лестницы, — сообщила Лизавета, пристально следя за его лицом. — Вечера. Я возвращалась из магазина уже довольно поздно, почти стемнело. Я поднялась на лифте, на нашем этаже свет почему-то не горел. — Теперь она говорила очень быстро. — Я спустилась до пятого этажа и стала искать ключ, там было светло. Я долго не могла его найти и наклонилась, чтобы поставить сумку, и в этот миг!.. — Она закрыла глаза. Нож все качался из стороны в сторону. — В этот миг меня схватили за ноги и стали тащить к перилам. Вы знаете нашу лестницу, Владимир Петрович!

Владимир Петрович лестницу знал.

Если чего и боялся Архипов — до судорог в позвоночнике, до холодного пота, до скрученного в спиналь дыхания, — так это высоты.

Он не мог смотреть вниз со второго этажа. На третьем у него начиналась тошнота, а с десятого он хотел немедленно броситься вниз, сознавая одно — бездна ждет его.

Притягательная, холодная и волнующая. Предназначенная для него.

Он схватился за пиво, но стакан был пуст. Тогда он быстро закурил, забыв, что Лизавета «не выносит табачный дух».

— И что произошло дальше?

— Дальше... — Она медленно опустила веки с нарисованными синими стрелами, как бы не в силах сопротивляться ужасающему видению, представшему перед ее мысленным взором. — Меня тащили, а я... боролась изо всех сил. Мне стало страшно, но я была уверена, что мой час еще не пробил. Не знаю, почему я была в этом уверена, но знала совершенно точно и...

— Что? — спросил Архипов.

— И мне удалось вырваться и дотянуться до звонка в соседнюю квартиру! У них всегда кто-то есть...

— Знаю.

Эту коммуналку, последнюю в доме, Архипов ненавидел всей душой и все про нее знал. Про нее все соседи все знали.

Трудно было не знать, когда периодически дядя Гриша, коммунальный слесарь, бывший метростровец, и его жена Сергевна, бывшая ударница пункта утильсырья, занимались воспитанием внуков Кольки и Лехи, в очередной раз водворенных в семью из дет-

ского приемника, а потом начинали праздновать что-нибудь, забывая долупить Кольку с Лехой, и принимались петь.

— Мой... убийца убежал, а я осталась на площадке, и, когда дверь открылась, я сказала, что на меня только что было совершено покушение. Вместе мы осмотрели их лестничную клетку, потом лаз на чердак, и...

— И что?

— Я нашла вот это, — шепотом провозгласила Лизавета.

Архипов посмотрел.

— А что это такое? — спросил он с любопытством.

— Круг.

— Я вижу, что круг, — сказал Архипов, — похож на деревянное колесо.

— Это подсвечник, — шепотом продолжала Лизавета и оглянулась по сторонам. — Очевидно, им пользовались во время каких-то тайных церемоний. Если церемонии были посвящены силам зла, значит... Значит, зло вскоре будет здесь.

— Зачем злу подсвечник?

— Никто не знает наперед, в чем сила и в чем слабость состоит.

— Ни сила, ни слабость не могут заключаться в подсвечнике, Лизавета Григорьевна, — сказал Архипов.

Мысль о бездне его отпустила, он вновь стал гладким и трезвым, как дверца холодильника.

Деревянное колесо было пыльным, совсем старым. Кое-где на нем висели длинные капли засохшего мутного воска. Архипов попытался определить цвет, и ему показалось, что белый. Сколько лет оно валялось на чердаке?

Дом был построен при отце народов Иосифе Виссарионовиче, известном любителе большого строительства.

Вполне возможно, что какой-нибудь бедолага или, наоборот, счастливец, получив здесь квартиру, перевез из арбатского домика, предназначенного на слом, весь свой скарб. В том числе и деревянный подсвечник из сельской церковки, где его дед служил протодьяконом. Дед-протодьякон нес в семью все, что могло пригодиться в хозяйстве, и деревянный круг принес. Вот этот самый.

— Почему вы решили, что он оказался на чердаке недавно?

— Потому что это обрядовая вещь, и она тоже несет в себе силу смерти!

— Господи! — взмолился Архипов. — Ну что вы говорите! Вы же взрослая, умная женщина, Лизавета Григорьевна! Ну, какая еще сила смерти?! Деревянное колесо!

Лизавета помолчала и пожевала губами.

— Значит, вы мне не верите? — сделала она неожиданный вывод.

— Ни единому слову, — признался Архипов, — вы уж простите. Нож ваша внучка могла найти в песочнице и по глупости притащить домой. Подсвечник лежал у нас на чердаке с тридцать восьмого года. На лестнице. — Тут вдоль позвоночника его опять продрал мороз. — На лестнице у вас просто закружилась голова, и вы чуть не упали. Я сто раз говорил, что нужны сетки. На следующей неделе куплю и поставлю!

— Значит, не верите? — уточнила она.

— Простите, Лизавета Григорьевна!

— Девочку не оставьте, — попросила она горько, — пропадет ведь. Совсем одна на свете.

— Вы еще лет тридцать протянете, — пообещал Архипов, — вырастите девочкиных детей.

— Моя смерть наступит очень скоро, — возразила Лизавета, и ему показалась странным, что она как будто ни в чем его не убеждает, а просто констатирует факт. — Я должна позаботиться о девочке. Пообещайте мне, что поможете ей, Владимир Петрович!

— Чем?!

— Окажете поддержку, — неумолимо гнула свое Лизавета, — не дадите пропасть. У нас нет ни одного кровного родственника.

— Так и я не кровный родственник!

Внезапно она стала его раздражать так сильно, что он даже встал из-за стола и подошел к окну. За окном был вечер, золотистые сумерки, Москва.

Угораздило его на ночь глядя влипнуть в историю с полоумной соседкой!..

— Вы хороший человек, — возвестила Лизавета, — у вас душа кедра. Я ясно это вижу.

— Что... у меня? — не понял Архипов.

— У вас душа кедра, — повторила Лизавета. — Это крепкое, сильное, верное дерево. Пообещайте мне, что не оставите девочку.

— У-уф, — выдохнул Архипов, покоровшись, — хорошо. Я вам обещаю, что не оставлю девочку. А вы мне обещайте, что, если я умру раньше вас, вы будете кормить мою собаку.

Вышеупомянутая собака, моментально поняв, что говорят о ней, забила хвостом на круглой продавленной подушке.

— Не шутите так, — смиренно попросила Лизавета, — и... напишите мне обещание.

Большими шагами — так, что пес поднял голову и с недоумением проводил хозяина глазами, — Архипов ушел в кабинет и выдернул из папки листок бумаги, чуть не порвав его.

Лизавета за дверью негромко вздохнула.

— Как девочку зовут?! — крикнул он из кабинета.

— Маша Тюрина.

— Вот, — рывкнул Архипов, появляясь на пороге, и сунул сложенный пополам листок ей в лицо, — это расписка. Обещаю Машу Тюрину не оставлять. Не дать Маше Тюриной пропасть. Только не читайте вы это при мне, а то я с ума сойду!

— Спасибо, — прочувствованно поблагодарила Лизавета, — вся энергия добра на вашей стороне, хоть вы этого не понимаете!

— Не понимаю, — злобно согласился Архипов, чувствуя себя инопланетным заводом, который вместо дисков начал выпускать шланги.

Он выпроводил Лизавету, закрыл дверь, хотел читать свои бумаги, но не смог. По телевизору тоже не было ничего, что могло бы отвлечь его внимание от Лизаветиных бредней, и вечер прошел скверно.

Наутро он обо всем позабыл, потому что навалились дневные дела и заботы, а когда приехал вечером домой, дедок-вахтер сообщил ему радостно:

— А у нас жиличка померла. Соседка ваша, Лизавета Григорьевна. Я уже в жэк позвонил и душеприказчику ейному. Надо же такому случиться. Как знала, даже телефон мне оставила. «Позвони, — говорит, — Гурий Матвеевич, когда мой срок придет». А я ей говорю: «Вы меня еще переживете!» Вот ведь как. Жил человек, да помер в одночасье! Все под богом ходим!

Наверное, это было не слишком красиво, не слишком умно и вообще верхом трусости, но Архипов к соседям не пошел ни в тот вечер, ни на следующий и на похоронах не присутствовал. Он вел наблюдение из-за собственной железной двери и вяло поругивал себя за то, что ведет.

На площадке то и дело возникали какие-то замшелые и не слишком чистые люди, проходили в соседнюю квартиру, постно потупив глаза. Выйдя, подолгу стояли перед дверью и что-то тихо и настойчиво втолковывали друг другу.

Архипов понятия не имел, куда девалась девочка Маша Тюрина, которую он обещал Лизавете «не оставить», и кто теперь варит ей кашу.

Ему не нравилось шевеление на площадке, было жалко Лизавету и досадно на себя — он был так железобетонно убежден, что она просто дура. А ее предчувствие оказалось правильным, хотя ни дождь кровавый, ни затмение небес так и не наступили.

Черт бы побрал это предчувствие! Архипов не верил ни в какие предчувствия, а вот поди ж ты!

Под вечер воскресенья явился сосед снизу.

Архипов в это время поднимал штангу, слушал тяжелый рок, грохотавший в наушниках, и обнаружил соседа, отразившегося в настенном зеркале, совершенно неожиданно для себя. Настолько неожиданно, что гриф штанги выскользнул из его потных пальцев, стремительно проехал по предплечьям и дал Архипову по шее в полном соответствии с законом всемирного тяготения, законом сохранения импульса, законом сохранения массы и парой-тройкой других основополагающих законов. После чего штанга грохнулась на пол.

Старый дом содрогнулся, Архипов взвыл и заматерился, вытаскивая из ушей пластмассовые штучки вместе с тяжелым роком, засевающим внутри.

— ...не заперта, — растерянно говорил сосед. Пока Архипов не вырвал наушники, казалось, что тот просто шевелит губами. Теперь выяснилось, что он еще издает звуки. — Я вошел, я не думал, что вы заняты, Владимир Петрович.

— Я свободен, — неизвестно зачем возразил Архипов, — до следующей пятницы.

— Почему... до пятницы? — неуверенно удивился сосед.

— Вы ко мне по делу?

— Да-да, — спохватился сосед, — именно по делу!

— Тогда проходите туда, — Архипов распахнул двустворчатую дверь в гостиную, — я сейчас.

Шея болела, и стало ясно, что дальше будет только хуже. Завтра он, как новорожденный, не сможет самостоятельно держать голову, не говоря уж о том, чтобы ее поворачивать. Однажды он уже ронял на шею штангу и знал, что его ждет. Лучше бы не знать.

Принимать душ было некогда, хотя он взмок от волос до трусов, и пришлось наскоро полить себя из шланга, чего Архипов терпеть не мог.

Неужели он вправду дверь не запер?! Все из-за того, что подглядывал за соседской квартирой!

Очень недовольный собой и жизнью, он достал чистую майку, кое-как, застревая в рукавах, напялил ее и вышел в гостиную.

— Еще раз прошу меня... — с ходу начал сосед.

— Все в порядке, — величественно остановил его изливания Архипов. — Хотите минеральной воды? Хорошая вода, — он посмотрел на этикетку, — французская.

Сосед подозрительно покосился на зеленую бутылку и от хорошей французской минеральной воды отказался. Архипов налил себе в стакан. Сильно газированная вода зашелестела по стеклу, взорвалась тысячей мелких, почти невидимых фонтанчиков.

Народная мудрость номер один — если тебе навязали разговор или встречу, никогда не бери инициативу на себя. Сиди тихо, попивай минеральную воду — желательно французскую, — смотри доброжелательно. И помалкивай.

Архипов потер шею. Сосед вздохнул. Пауза затягивалась.

— Так что... экхм-м... что вы об этом думаете, Владимир Петрович?

— О чем именно, Гаврила Романович?

— Так вот... о соседке вашей, Лизавете Григорьевне?

— Я думаю, что она умерла, Гаврила Романович.

Сосед дико на него взглянул.

— Да мы... знаем, — пробормотал он, — да мы, собственно, поэтому и... идем.

— Куда?

— К вам и в... милицию...

— Ко мне и в милицию идете? — поразился Архипов.

— Сначала к вам, — признался сосед, — мы так... решили. А потом в милицию.

Народная мудрость номер два гласила — никогда не вдавайся в подробности, если вопрос не имеет к тебе отношения. Собака не может читать. Она поноски несет, дом стережет, воров пугает, будет с нее и этого...

Архипов молчал. Сосед завздыхал с утроенной силой, как будто заработал пресловутый отбойный молоток на строительстве подземного гаража. Отбой-

ный молоток или паровая машина Уатта. Или кого там?..

— Владимир Петрович, — умоляюще начал он, — мы не знаем, что теперь делать... Вы же видите, что происходит! Этого никак нельзя допустить! Никак! Еще чуть-чуть, и поздно будет, а вы единственный человек, кто хоть как-то!.. Мы же не можем пойти в Воронью слободку!

Вороньей слободкой в подъезде называлась та самая веселая квартира, единственная оставшаяся не расселенной, в которой обитали коммунальный слесарь с супругой-ударницей и внуками Колькой и Лехой и еще полтора десятка персонажей.

— Мы же не можем туда пойти! — поднажал сосед.

— А... зачем вам туда идти? Вы же хотели идти в милицию, — напомнил Архипов.

— Значит, вы согласны? — возликовал сосед Гаврила Романович. Архипов никак не мог вспомнить его фамилию. — Я тоже уверен, что надо непременно в милицию, иного пути нет! А Генрих Павлович с третьего этажа уверяет, что милиция в данном случае нам никак не поможет, и Бригитта Феликсовна, его супруга, порекомендовала посоветоваться с вами. Значит, вы тоже считаете, что мы должны обратиться?

— Вы вполне можете обратиться, — уверил его Архипов и потер шею.

— А вы... подпишете?

— Что?

— Заявление.

— Какое заявление?

— В милицию. Подпишете?

— А о чем мы будем заявлять?

— Как о чем? — поразился сосед. — Не о чем, а о ком! Конечно, о вашей соседке!

— Покойной? — уточнил Архипов.

— Да нет! — начал слегка сердиться сосед Гаврила Романович. Как, бишь, его фамилия?.. — О ныне здравствующей, конечно!

Вот тут Архипов наконец-то понял, что совсем увяз. То есть абсолютно. Догадаться, о чем идет речь, на этой стадии было уже невозможно.

Пришлось сдаться, несмотря на народную мудрость и на ту собаку, что не могла читать. Архипов прислушался — его собственная собака не подавала никаких признаков жизни из-за прикрытой двери в спальню.

«Значит, на кровати валяется», — решил Архипов.

— Гаврила Романович, — попросил он, — давайте все сначала. Я что-то упустил. Зачем нам в милицию и при чем здесь соседка?

— Да кто же еще?! — воскликнул сосед и даже привстал. — Ну, конечно, она! Лизавета Григорьевна со странностями была, несомненно, со странностями, но человек пожилой, уважаемый, а сейчас!..

— Что сейчас?

Придерживая кресло под худосочным задом, Гаврила Романович просеменил поближе, опустил кресло на паркет, а себя в кресло, и весь вытянулся в сторону Владимира Петровича.

— Это же... секта! — тревожно зашептал он. — Самая натуральная секта!

— Где? — удивился Архипов и даже оглянулся по сторонам. В зоне видимости никакой секты не оказалось.

— На вашей площадке! Господи, Владимир Петрович! Вы вчера вечером не слышали... песнопений?

Песнопения, которые вчера вечером слушал Архипов, исполняла группа «Led Zeppelin».

— Вчера весь вечер и почти всю ночь! Они... пели. В квартире Лизаветы Григорьевны. И накануне. А эти люди на площадке? Я сегодня возвращаюсь из булочной, а они сидят на полу! Прямо на полу! На таких циновках, и все что-то жуют!

— «Дирол — сладкая черешня»? — предположил Архипов.

— Вы напрасно иронизируете, Владимир Петрович! Если они решили завладеть квартирой, нам не будет покоя никогда! Во всех газетах пишут про секты, какую страшную они представляют опасность для всех! А если это... сатанисты?! Это же скопление зла!

«Сущность разрушения, — вспомнилось Архипову. — Силы зла. Нож, похожий на хлебный, предвестник смерти».

Лизавета умерла. Нож был прав, а он, Архипов, не прав.

— Да, — неожиданно для себя согласился он, — да. Какие-то люди действительно приходят. Вчера я целый день был дома и... да.

— Владимир Петрович, — взмолился Гаврила Романович, — дорогой вы мой! Что же нам делать? Если они облюбовали квартиру для своих... ритуалов, мы пропали! Начнется воровство, бандитизм, — он так и сказал, с ударением на «изъм», — наркотики, боже избави! Это она их привела! Еще покойницу не схоронили, как она уже привела секту! Конечно, квартира теперь свободна! Что хочешь, то и делай! А она одна осталась — ни тормозов, ничего!

— Кто — она? — осведомился Архипов, подозревая, что речь идет о девочке-сироте Маше Тюриной.

— Племянница, конечно! Мы, соседи, решили обратиться в милицию, но для начала поговорить с вами. Это Бригитта Феликсовна посоветовала. Ну как? Подпишете заявление?

Архипов перевернул бутылку. Вода плеснула, зашуршала, осела на чистом стекле пузырьками. Архипов задумчиво смотрел, как они лопаются.

Девочка-сирота влипла в неприятности гораздо быстрее, чем предполагала ее прозорливая тетя или бабка. Какие-то люди действительно толпились на лестничной площадке, и их количество явно превосходило возможное число скорбящих Лизаветиных друзей и подруг. И вид у них был странный — правду сказал Гаврила Романович.

Как же его фамилия?.. Какая-то государственная фамилия — Гимнов или Гражданинов?..

— Владимир Петрович! — взмолился сосед. — На вас одна надежда и осталась! Вы у нас самый уважаемый человек в доме. — Архипов усмехнулся. — Вы же всегда помогаете! Вы же по-соседски никогда не отказываете! Вы же тут ближе всех к...

— Нехорошей квартире, — подсказал самый уважаемый человек во всем доме.

— Нехорошо, нехорошо в квартире! — моментально согласился Гаврила Романович. — Это уж точно! Что хорошего! Бригитта Феликсовна вчера пыталась выяснить у них, что они тут делают, и милицией пригрозила, и управдомом, а они улыбаются только и молчат! Это она так сказала, я сам ничего не видел и не заговаривал и вообще считаю, что с ними нельзя разговаривать! Только силой, только силой! И за сто первый километр!

— А вы знакомы с... племянницей? — неожиданно перебил его Архипов.

Гаврила Романович махнул рукой:

— Видел в подъезде и на улице несколько раз.

— Сколько ей лет?

— Лет? — удивился Гаврила Романович. — Не знаю. Лет тридцать. Может, тридцать пять.

— Или пятьдесят? — задумчиво предположил Архипов.

Конечно, он уж сообразил, что девочка Маша давно выросла из песочницы и вряд ли теперь ходит с синим пластмассовым ведерком, но то, что ей тридцать лет — или даже тридцать пять, — Архипова поразило.

Он ведь дал обещание «не оставить». Он даже написал это на бумажке и сунул Лизавете в физиономию.

Как он станет опекать женщину тридцати пяти лет?! Зачем ее опекать?! Лизавета все повторяла, что «девочка пропадет», но в тридцать пять — хорошо, пусть в тридцать! — девочки уже вполне самостоятельны. Если она решила продать квартиру, бросить работу, очиститься и уйти в секту, чтобы там на свободе предаваться песнопениям, которые слышал Гаврила Романович, значит, Архипов ей помешать не сможет. Даже смешно надеяться.

Тем не менее соседи надеялись, а Лизавета взяла с него обещание «не оставить девочку», и он его дал, черт возьми!

Хорошо, что у него душа кедра, а не носорога. Была бы носорога, он бы сейчас кого-нибудь точно боднул. Например, Гаврилу Романовича — Думцева, Министерских, Беззаконова?..

— Милиция нас не спасет, — поморщившись, сказал Архипов и одним движением вылил в горло остатки колючей французской воды, — права Бригитта Феликсовна. В конце концов, ничего противоправного не происходит.

— Как?! — поразился Гаврила Романович. — А секта?!

— У них в паспортах не написано, что они секта! Скорее всего, указано, что прописаны на Сиреневом бульваре, дом триста пятьдесят, или на улице Бориса Галушкина, и вполне законопослушны!

— Так... что же делать? — упавшим голосом спросил Гаврила Романович и дрогнул тощим телом, как будто уже влекомый невидимыми сектантами к жертвенному костру.

— Я поговорю с племянницей, — объявил Архипов. — Постараюсь выяснить, что это за люди и какие у нее планы в отношении... квартиры и песнопений.

— Только, пожалуйста, если можно, сегодня, — просвистел Гаврила Романович тревожно, — прямо сегодня, не откладывая, а то завтра вам на службу, а там, кто знает!..

— Сегодня, — пообещал Архипов и посмотрел на часы, — если она дома, конечно.

Гаврила Романович заблагодарил, закланялся и стал отступать в сторону входной двери. Архипов на двигался на него — как гора на муравья.

Когда дверь захлопнулась, вспомнилась наконец неуловимая фамилия.

Соседа звали Гаврила Романович Державный.
Державный, а вовсе не Беззаконных!

Архипов полежал в ванне с книжечкой — роман моднейшего Гектора Малафеева «Испражнения души».

Сам Гектор был изображен на лаковой обложке, которую хотелось лизнуть, — шляпа, поднятый воротник, прищур, контур щеки, сигаретка. В линии сочных губ, держащих сигаретку, известный цинизм и усталость, намек на пресыщенность.

Красота. Архипов любил красоту.

Примерно на пятнадцатой странице в ванную пришла архиповская собака, вдоволь навалявшаяся на диване. Она приблизилась, посопела и сунула холодный нос прямо Архипову в ухо.

Гектор Малафеев в это самое время составил из трехбуквенного, известного всем с третьего класса слова перевернутую пирамиду и галопом неся с верхней ее части, где оно было только одно, в нижнюю, где их насчитывалось штук двадцать.

Архипов за ним не попевал.

Да и слово было, скажем так, излишне затасканным. Слишком уж часто встречающимся. Несколько передержанным, как разбухший огурец в бочке с расолом.

Для того чтобы публично выразить свои мысли именно этим словом, уж лет десять не нужно никакого «гражданского мужества». Может, поэтому суперпирамида не вызвала в душе Архипова должного восторженного содрогания, и он обрадовался, что пришла его собака.

— Привет, — поздоровался Архипов.

Пес понюхал пену, брезгливо поморщился и мотнул лобастой башкой.

— Не нравится? А по помойкам шастать, значит, нравится?

Пес тяжело плюхнулся на задницу, зевнул и лязгнул чудовищными челюстями.

Порода называлась английский мастиф и относилась к разряду гигантских. Складки палевой лоснящейся шерсти прикрывали сто килограммов мускулов и литой плоти.

Мастифа подарил партнер-англичанин, страшно гордившийся тем, что придумал такой отличный подарок.

Архипов назвал его Тинто Брасс — не англичанина, понятно, а пса — за томный взор и потрясающую целеустремленность в отношении противоположного пола, проявившуюся еще в детские годы, как страсть ко всякого рода революциям у маленького Володи Ульянова.

Когда Архипов в первый раз приехал с Тинто Брассом на свою бывшую дачу в гости к бывшей жене, бывшая теща засела на втором этаже и кричала оттуда, что ни за что не спустится, пока бывший зять не увезет «это чудовище». Чудовище валялось на боку, занимало полтеррасы и палевые лапы толщиной с хорошо развитую мужскую руку протянуло на середину пола, и теперь они всем мешали ходить. Впрочем, никто и не ходил, все боялись.

— Если опять на кровати валялся, — пригрозил Архипов Тинто Брассу, — я тебя выдеру.

Тинто покосился на хозяина, ухмыльнулся и отвернулся.

— Сейчас пойдем к девочке Маше Тюриной, — сообщил хозяин и положил Гектора Малафеева на деревянный стульчик страницами вниз, сигареткой вверх. — Девочка Маша перепугала всех соседей, а мы обещали ее не оставить.

Тинто Брасс вздохнул. Лично он ничего не обещал и визиту к Маше предпочел бы прогулку по Чистым прудам.

Архипов вылез из воды, голый и мокрый прошлепал к телефону и набрал номер соседской квартиры — чтобы некуда было отступать. Идти к малахольной сектантке Маше не хотелось не только Тинто Брассу. Архипову не хотелось тоже.

Долго никто не отвечал, а потом трубку сняли, и слабый голосок пропищал:

— Алло...

— Здравствуйте, — сказал Архипов очень твердо, — меня зовут Владимир Архипов, я ваш сосед. Я могу зайти к вам минут через пятнадцать?

В трубке немедленно наступила глубокая тягучая тишина.

Народная мудрость номер три — умеи держать паузу, особенно если не ты ее взял. Держи до последнего и не суетись.

Архипов не суетился. Он переступил на ковре, изучил собственные мокрые следы, почесал бровь, переложил мобильный телефон с одного места на другое, вытянув шею, посмотрел, что там делает в ванной Тинто Брасс, и только тогда в трубке снова запищало:

— А... зачем?

— Что? — не понял Архипов.

— Зачем вы... хотите зайти?

— Я зайду поговорить с вами, если вы Маша Тюрина. Вы Маша Тюрина? — Он поймал себя на том, что говорит медленно и раздельно, словно не слышном надеясь на то, что Маша понимает человеческую речь.